



ПЕРСТЕНЬ ХРАНИТЕЛЕЙ

18+

Давид Давидович

Перстень хранителя

«Автор»

2026

Давидович Д.

Перстень хранителя / Д. Давидович — «Автор», 2026

Июль 1996 года. Пыльный шахтёрский Торез, разгул криминала, нищета купонов и эпоха лихих денег. Проснувшись в аномальной квартире, 21-летний Саня Белый осознаёт: прежней жизни больше нет. В его молодом теле пробудился ледяной разум элитного оперативника. Из какого теневого будущего он прибыл и за какие тайны заблокирована его память — загадка, запечатанная протоколами секретности. За его спиной — тень вечной Организации Хранителей и роковой куратор Елена. Её опасная, искушающая красота втягивает его в омут страсти и глобальных интриг. На пальце Белого — Кольцо Предков, дарующее предвидение и власть над чужой волей, а в голове — знания вне эпохи. Пока Хранители ведут скрытую охоту за технологиями древней цивилизации, Саня подчиняет улицы и собирает преданную гвардию. Так рождается его Синдикат — сила, с которой придётся считаться и местной мафии, и надмировым Смотрителям.

© Давидович Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14

Давид Давидович

Перстень хранителя

Глава 1

Сознание возвращалось тяжело, вязко, словно пробивалось сквозь глухую толщу застоявшейся болотной воды. Первым, что донеслось до него, были запахи. Странные, давно вычеркнутые из повседневности ноты, оставшиеся где-то в далеко затерянном прошлом: ввевшийся в текстиль сухой аромат давней скипидарной полироли, тонкая, застоявшаяся кислинка дешёвого табачного дыма и плотный, чуть сладковатый душок окислившейся бумаги от старых книжных переплётов.

Он лежал на спине, чувствуя голой кожей шеи и предплечий грубую, немилосердно колющую текстуру шерстяного пледа. Это было неправильно. Совершенно, фундаментально неправильно. Его тело, привыкшее за долгие годы к весомому уюту дорогого ортопедического матраса и невесомому, прохладному сатину в просторной современной спальне, где он только что заснул, сейчас настойчиво диктовало другой сигнал. Но диктовало его как-то иначе — без привычного сопротивления изношенных мышц.

Саня открыл глаза.

Вместо привычной глади матового натяжного потолка с утопленными в него точечными светодиодами прямо над ним белела сухая, мелкозернистая известковая побелка. По её поверхности тянулась тонкая, подёрнутая сухой паутиной микротрещина. По центру красовалась массивная пластмассовая люстра с прозрачными подвесками — уродливое творение советской лёгкой промышленности, безнадёжно симулирующее хрусталь.

Внутри Сани шевельнулся липкий, ледяной ком. Он резко сел на диване, и этот рывок дался ему с пугающей, забытой лёгкостью. В пояснице не стрельнуло тупой болью, позвонки не отозвались привычным глухим хрустом, а в глазах не поплыла серая пелена от резко скакнувшего давления. Мужчина замер, не снимая ног с дивана. Физическое благополучие тут же утонуло в накатывающей волне дикой, удушающей дезориентации.

Где он, чёрт возьми?

Это была комната. Просторная, залитая душным июльским солнцем гостиная, но абсолютно чужая. Паника не обрушилась сразу — она вползала плавно, сжимая горло сухим ударом. Сердце вдруг пустилось вскачь, тяжёлые, гулкие удары начали отдаваться в висках. Мужчина поднял руки перед лицом, всматриваясь в собственные ладони, и затаил дыхание.

Пальцы были прямыми, тугими, с ровными ногтевыми пластинами. Кожа — гладкой, упругой, без единого пигментного пятна, без бледных нитей старых операционных шрамов и ввевшейся в суставы многолетней усталости.

Что происходит? Инсульт? Предсмертный агональный бред? Полное, абсолютное отсутствие понимания ситуации выбивало почву из-под ног. Разум взрослого человека, привыкший опираться на железную логику и контрольные маркеры среды, прямо сейчас трещал по швам. Паника была готова перерасти в дикий, неконтролируемый ужас животного, попавшего в капкан.

И вдруг, в самый пиковый момент, когда дыхание уже готово было сбиться на хриплый полувздох, внутри накатил резкая, необъяснимая волна.

Словно под черепной коробкой с тихим, кристаллическим щелчком повернулся невидимый тумблер.

Бешеный стук сердца мгновенно, за какую-то долю секунды, замедлился, подчиняясь плотному внешнему контуру. На смену хаосу пришла звенящая, абсолютно кристаллическая

внутренняя тишина. Саня почувствовал, как по его венам разлился плотный холод, в мгновение ока взявший реакцию ЦНС под ледяной контроль. Это было чужеродное, невероятное ощущение, но паника испарилась, не оставив после себя даже тени.

Она растворилась, уступив место чистой, хладнокровной прагматике. Саня на секунду замер, прислушиваясь к идеальному, ровному пульсу, а затем принялся спокойно, со скупой профессиональной выверкой осматривать помещение.

Прямо перед ним, занимая почти всю противоположную стену, высилась знаменитая полированная югославская «стенка» из тёмного шпона. За её задвижными стеклянными дверцами ровными рядами стояли хрустальные фужеры и пузатый фарфоровый супник с позолоченной каймой. Рядом, на специальной подставке, громоздился тяжеловесный, угловатый цветной телевизор в деревянном корпусе. А прямо под ним, тускло поблёскивая в полумраке нижней секции, расположился аппарат — импортный видеомэгнитофон Panasonic. На его передней панели слабо и ровно горел маленький красный светодиод режима ожидания.

Резкий контраст этой застывшей во времени обстановки с его предыдущим воспоминанием заставлял мозг работать на пределе аналитических возможностей. Мужчина медленно перевёл опущенный взгляд на свои ноги, обтянутые обычными трикотажными штанами, и почувствовал под ними пружинистую готовность к рывку. Внутри этого молодого тела бился выверенный годами ледяной расчёт.

— Ну надо же, как быстро ты пришёл в себя, — раздался тихий, бархатистый грудной голос справа. — Я думала, процесс глубокой стабилизации и адаптации матрицы займёт гораздо больше времени.

Саня резко повернул голову на звук.

В глубоком, обитом потертым тёмным велюром кресле в углу комнаты сидела девушка. Она расположилась там с такой хищной, абсолютной и уверенной грацией, что у Сани на долю секунды перехватило дыхание. Плотный июльский свет, пробивавшийся сквозь крупную сетку тюли, скользил по её точёному профилю, вырисовывая безупречную линию подбородка, острую скулу и тонкую, изящную шею.

Она была чертовски, почти порочно хороша. Лёгкий шёлковый халат глубокого изумрудного цвета был лишь символически перехвачен поясом на талии. При каждом её глубоком выдохе полы ткани плавно расходились, высоко обнажая плотную, гладкую, золотистую от ровного загара кожу бедра. Ткань натягивалась на высокой груди, соски которой отчётливо и дерзко угадывались сквозь тонкий шёлк. Её губы — полные, влажные, тронутые едва заметным естественным блеском — замерли в лёгкой, дразнящей полуулыбке. Длинные, ослепительно белые волосы тяжёлой, густой волной рассыпались по обнажённым плечам, контрастируя с изумрудным шелком.

В её взгляде, устремлённом на Саню из-под пушистых ресниц, не проглядывалось ни единого грамма стеснения — только манящая, зрелая и опасная сексуальность женщины, которая прекрасно осознаёт сокрушительную силу собственной красоты. От неё веяло не просто женским шармом, а сложным, дурманящим коктейлем из дорогого мускусного парфюма и сухой, раскалённой летней духоты.

— Кто ты? — спросил Саня.

Его собственный голос заставил его внутренне подтянуться. Звук прозвучал чистым, сильным, звенящим молодой, нерастраченной энергией. Саня опустил взгляд на свои ноги. На нём были обычные трикотажные спортивные штаны, но под тонким трикотажем отчетливо угадывались тугие, пружинистые мышцы, готовые к мгновенному взрывному рывку. Он машинально поднёс ладонь к лицу — кожа была упругой, а линия челюсти — сухой и острой, как бритвенное лезвие.

Его молодая, переполненная гормонами биологическая оболочка отозвалась мгновенным, горячим толчком внизу живота. Однако новообретённая внутренняя тишина и выверен-

ная годами ледяная прагматика удержали разум в абсолютной, кристаллической ясности. Он фиксировал её откровенную наготу не как ослеплённый юнец, а как опытный тактик, оценивающий опасный фактор среды.

Девушка в кресле медленно переменила позу. Шёлк скользнул по её округлому бедру с тихим, едва уловимым шорохом.

— Меня зовут Елена, — мягко произнесла она, гася остатки его внешнего напряжения ровным, успокаивающим тоном. — Всё в порядке, Саня. Самое трудное уже позади. Ты вернулся назад.

— Назад? — Саня чуть прищурился, не снимая с неё тяжелого взгляда. — Что здесь вообще происходит?

Елена тихо рассмеялась, и её высокая грудь под тонким шёлком халата соблазнительно колыхнулась. Она подалась немного вперёд, оперев локти в обтянутые шёлком колени, отчего вырез халата раскрылся ещё дерзвее, показывая глубокую ложбинку.

— Ты в Торезе, Саня. Ты вернулся в собственную молодость. На дворе — июль тысяча девяносто шестого года. А ответы на большинство твоих вопросов ждут вон там, в недрах видеокассеты.

Саня поднялся с дивана. Тело отозвалось невероятной, забытой лёгкостью — ноги пружинили, а в суставах не проскользнуло ни единого микрона привычной усталости. Он сделал несколько неторопливых, бесшумных шагов по сухому линолеуму, подошёл к большому окну и аккуратно потянул край плотной кружевной тюли в сторону.

Родной город встретил его тяжелым, душным маревом раскалённого июля девяносто шестого. Саня всматривался в пейзаж за стеклом, с жадностью профессионала ловя характерные маркеры времени.

Прямо перед домом расстился типичный, замкнутый серой коробкой двор Квартала А. Никаких оживлённых городских магистралей — только щербатый, потрескавшийся асфальт внутриворотовых проездов и глухие, выцветшие стены соседних панельных пятиэтажек. Воздух за окном дрожал от зноя, густо пропитанный сухой пылью и едва уловимой гари с далёких терриконов.

По разбитому проезду, натужно кашляя изношенным мотором и извергая сизый бензиновый выхлоп, медленно катил старый жёлтый «Москвич» — Саня мгновенно узнал приметную тарантайку Михалыча, который вечно таксовал по району. Возле покосившейся металлической бельевой площадки сидели двое местных пацанов в характерных для той эпохи жатых спортивных костюмах и о чём-то лениво переговаривались, регулярно сплёвывая шелуху от семечек прямо в пыль. Чуть дальше, в тени пыльных акаций, копошились дворовые собаки и редкие прохожие в простых, мешковатых шмотках из первых коммерческих палаток.

По этим деталям Саня безошибочно узнал Квартал А. Но, резко развернувшись спиной к окну, он снова окинул внимательным взглядом просторную гостиную, и внутри него окончательно всё сложилось в сухую аналитическую матрицу.

Эта квартира была чужой. Чужие обои, чужая планировка, чужая полированная мебель. Сам Саня вырос на Пелагеевке, а здесь, на Кварталах, жил его близкий друг Юра Борода. Те места Саня знал до последнего скола на бетоне, но в этой конкретной гостиной он не бывал никогда.

Саня повернулся к девушке. Его голос прозвучал сурово и свинцово:

— Чья это хата, Лена? Я вижу дворовые приметы, это точно Квартал А. Но в этих панельных хрущёвках отродясь не проектировали трёхкомнатные «чешки». Здесь стоят только убогие коробки со смежными комнатками и крошечными кухнями. А в этой квартире — изолированные комнаты и длинный коридор. Откуда здесь взялась такая геометрия? Чья это база?

Елена плавно поднялась из кресла. Изумрудный шёлк халата затрепетал вокруг её длинных ног, то и дело приоткрывая их при ходьбе. Она подошла почти вплотную. Саня кожей

почувствовал идущее от неё сухое жаркое тепло, уловил плотный, кружащий голову аромат мускуса.

Она положила свою прохладную ладонь ему на грудь, прямо туда, где ровно и мощно билось его молодое сердце. Пальцы слегка сжались, демонстрируя неожиданно крепкую, хваткую силу.

— Чья это квартира — сейчас не имеет никакого значения, Саня. Считай её своей личной крепостью, — её голос мгновенно потерял кокетливые нотки, став твёрдым и холодным, как оружейная сталь. — Ты ведь сейчас как раз в принудительном отпуске, Белый? Времени свободного у тебя теперь полно, а разобраться нужно со слишком большим массивом данных. Девяносто шестой год наступил, и обратного пути для тебя нет. Подойди к магнитофону. Включай кассету. Там — твой стартовый инструктаж. Действуй.

Елена договорила, и на её губах снова заиграла едва заметная, дразнящая улыбка. Она не стала ждать его ответа. Плавно, с чисто кошачьей, обволакивающей грацией она развернулась. Изумрудный шёлк её халата всколыхнулся, натянувшись на округлых бёдрах, и тут же разошёлся в высоком разрезе, при каждом шаге обнажая гладкие ноги цвета тёплого загара.

Саня невольно проводил её взглядом. Внизу живота снова завязался тугой горячий узел, а пульс на секунду участился от этой чистой, нескрываемой сексуальности. Однако его ледяной внутренний хребет удержал разум в абсолютном повиновении. У самого дверного проёма в соседнюю комнату Елена на секунду замерла. Она оглянулась через плечо, одарив Саню долгим, многообещающим взглядом из-под пушистых ресниц, после чего дверь закрылась с мягким, едва слышным щелчком. В душном воздухе гостиной остался лишь шлейф её парфюма.

Саня остался один. За окном лениво ворковали голуби и слышался глухой, мерный стук топора — кто-то во дворе колот дрова. Мужчина повернулся к громоздкой югославской «стенке». Тяжелый видеоманитфон Panasonic замер в ожидании, тускло поблёскивая красным диодом.

Саня сделал шаг вперёд, ощущая прохладу линолеума босыми ступнями. Его пальцы — тугие, молодые, без единого признака старой дрожи или артритной глухой боли — коснулись матового черного пластика. Кассета уже находилась внутри видеоманитфона, послушно заглохшая механизмом. Мужчина уверенно, со скупым профессиональным рассчитывающим усилием нажал на массивную прямоугольную клавишу «PLAY».

Аппарат отозвался тяжёлым, породистым механическим лязгом ЛПМ. В недрах пластикового корпуса со скрипом и тихим шуршанием закрутились катушки, расправляя магнитофонную ленту. Экран цветного телевизора в деревянном корпусе замерцал, издав низкий 50-герцевый гул. Волна статического электричества ударила от кинескопа, заставив мелкие волоски на предплечьях Сани мгновенно подняться дыбом. По стеклу пробежала широкая горизонтальная полоса автотрекинга, экран полыхнул густой серой рябью шума, и картинка наконец стабилизировалась.

Саня невольно сделал шаг назад, затаив дыхание.

С экрана на него смотрел человек. Мужчина. И в первую же секунду Саня ощутил, как вдоль его позвоночника пробежала волна ледяного, покалывающего оцепенения.

Это был он сам. Но только постаревший — очерченный глубокой печатью десятков прожитых лет и колоссального, почти осязаемого жизненного опыта. Взрослый Александр на видео выглядел монументально, опасно и собранно. Никакой старческой дряхлости: мощный, подтянутый плечевой пояс, сухая, жёсткая линия челюсти, тронутая короткой, идеально выбритой серебристой щетиной. Густые волосы были аккуратно зачёсаны назад. Кожу вокруг глубоко посаженных, пронзительных глаз прорезали резкие лучи морщин, а через левую бровь тянулся тонкий, белесый шрам — след от старого касательного ранения.

На нём был безупречно сидящий тёмный костюм из плотной, непривычно дорогой ткани, которая в девяносто шестом году выглядела бы материалом из далёкого технологического буду-

щего. Но главным был взгляд. Взгляд этого человека с экрана обладал такой сокрушительной, свинцовой властью, что Сане показалось, будто этот зрелый хищник смотрит прямо сквозь толщу кинескопа, пронзая его насквозь.

Мужчина на экране чуть подался вперёд и заговорил. Его голос — глубокий, бархатистый баритон, в котором звенели металл и абсолютная уверенность — заставил Саню внутренне подтянуться.

— Привет, Саня, — произнёс взрослый Александр с экрана. — Если ты видишь эту запись, значит, сингулярный переход сознания прошёл штатно, а твоя новая биологическая оболочка успешно завершила первичную стабилизацию.

Мужчина сделал короткую паузу, давая время уложить услышанное, и чуть прищурился.

— Сейчас твой мозг лихорадочно ищет логические цепочки. Ты пытаешься вспомнить, как оказался здесь, что происходит, что было после того, как ты перешагнул зрелый рубеж. Оставь эти попытки. Твоя память заблокирована сознательно. Твой текущий оперативный уровень не позволяет владеть этой информацией. Меньше знаешь — чище действуешь. Воспринимай это как непреложное правило игры.

Александр на видео опёрся локтями о скрытый за кадром стол, и его фигура стала казаться ещё более весомой.

— В двух словах, чтобы ты понимал свою диспозицию: ты не просто уличный пацан или коммерсант. Ты был элитным оперативником одной из самых серьёзных, глубоко засекреченных транснациональных организаций на планете. Теневые структуры, управление глобальными процессами, ликвидация нестандартных угроз — это то, чем ты занимался каждый день. Но сейчас ты на отдыхе. Считай это принудительным отпуском. Вынужденной оперативной паузой.

На губах мужчины с экрана мелькнула жёсткая, понимающая ухмылка.

— Сразу предупреждаю: на твои вопросы я ответить не смогу. Эта запись односторонняя, протокол безопасности выжжен дотла. Твой отпуск, парень, затянется на долгие десятилетия. Тебе предстоит пройти весь этот путь с самого начала. Так надо для общего дела, и это не обсуждается. Но уходить на такое задание с голыми руками я бы тебя не отпустил.

Взгляд человека с экрана стал абсолютно ледяным, концентрированным.

— В твою молодую биологическую матрицу уже заложен колоссальный, запредельный фундамент. Прямо сейчас в твоих нейронных связях, в лабиринтах подсознания заархивированы совершенные знания десятков языков и подробнейшие, до каждого переулка и тайного бункера, карты всей Европы. В твои мышцы, сухожилия и моторную память намертво забита боевая подготовка оперативника высшего класса — ты умеешь работать любым предметом, выживать в любой мясорубке и держать огневой контакт на уровне чистых рефлексов. Помни: сейчас все эти возможности спят. Твой мозг защищён от перегрузки. Активировать этот пакет может только Лена. Слушай её, Белый. Доверяй ей настолько, насколько вообще способен доверять твой параноидальный разум. Время пошло. Конец связи.

Экран телевизора внезапно полыхнул яркой белой вспышкой, а затем гостиную заполнило глухое, мерное шипение белого шума. Кассета с тихим щелчком остановилась, и ЛПМ видеомagneтoфона отключил подачу ленты.

Саня стоял неподвижно перед мерцающим кинескопом. Внутри него бушевало пламя из сотен вопросов, но включившийся внутренний тумблер гасил любую панику, превращая хаос мысли в чёткие, холодные логические цепочки.

Он — оперативник. На задании. Впереди — длинная дистанция в декорациях этой пыльной, бандитской эпохи.

Дверь позади Сани тихо, едва слышно скрипнула. Мужчина обернулся неторопливо, без суеты, но его тело инстинктивно сгруппировалось, приняв пружинистую готовность к мгновенному действию, присущую профессионалу.

В гостиную плавно вошла Елена. На ней был всё тот же изумрудный шёлковый халат, который при каждом шаге мягко шуршал, то и дело приоткрывая идеальные очертания её загорелых бёдер. Густые белые волосы тяжёлой волной струились по плечам, а на губах застыла загадочная, манящая полуулыбка куратора. Она подошла ближе, остановившись на расстоянии вытянутой руки. В полумраке комнаты от неё веяло не только чувственным соблазном, но и скрытой, пугающей силой.

— Посмотрел? — тихо, с грудным бархатом в голосе спросила она, заглядывая ему прямо в глаза.

— Посмотрел, — хмуро ответил Саня, стараясь игнорировать манящую близость её полуобнажённого тела. — Мой старший «я» наговорил много весомых фраз, но за конкретикой отправил к тебе. Что все эти фокусы значат на практике? Без заумных терминов, Лена. Что во мне заложено?

Елена не стала отвечать сразу. Она сделала глубокий, размеренный вдох, словно настраиваясь на серьёзный лад, и грациозно опустилась на широкий подлокотник дивана. Её взгляд скользнул по лицу Сани, проникая глубоко под кожу, оценивая его готовность воспринимать то, что выходило за рамки привычного человеческого опыта.

— Хроно-переход — это только первый шаг, Саша, — её голос зазвучал мягко, обволакивающе, плавно подготавливая его к сути. — Твоё сознание вернулось назад, но чтобы выжить в этой ржавой и опасной эпохе, тебе понадобятся инструменты. В твоих нейронных связях заархивирован колоссальный массив данных, который пока спит. Но когда я запущу Систему, твоё восприятие расширится. Ты получишь две прикладные возможности, две скрытые силы, которые станут твоим главным оружием на этих улицах.

Саня чуть прищурился, ловя каждое её движение, внутренне подобравшись.

— Первая сила проявится через твои слова, — Елена подалась немного вперёд, и её тон стал глубже, весомее. — Это «Голос». В моменты, когда ставки в игре поднимутся до предела, когда обычные пацанские аргументы или коммерческие тёрки зайдут в тупик, внутри тебя родится мощный, предельный волевой позыв. И твои связки выдадут чуждую, неестественную, словно многослойную частоту. Окружающие люди не увидят никакой магии, но они на чистой биохимии ощутят жуткое, непреодолимое давление на психику. Этот звук бьет напрямую по подсознанию, вызывая мгновенный паралич воли, выброс кортизола и животный страх. Против этого леденящего воздействия у них не будет защиты — они подчинятся тебе как вожаку стаи, даже если рассудком будут бунтовать, и ничего не смогут с этим поделать. Используй его только в самых крайних, отчаянных ситуациях.

Саня молча переварил услышанное, ощутив, как в тишине комнаты её слова ложатся тяжёлым грузом.

— Звучит жутковато, — процедил он. — А вторая способность?

— Вторая — это «Предвидение», — ответила Елена, и её лицо на миг стало предельно серьёзным. — Но не жди чётких картинок будущего. Это капризная и нестабильная вещь. В моменты острой, смертельной опасности, когда ситуация вокруг тебя начнёт накаляться, ты поймаешь лишь короткую, смазанную вспышку. Поверхностный, едва уловимый контекст грядущих событий. Картинка в твоей голове будет двоиться и ускользать, но ты интуитивно почувствуешь общие векторы — поймёшь, как развернётся ситуация в следующие несколько секунд, откуда ждать удара или скрытой угрозы на этом разбитом асфальте. Это тактический минимум, который позволит тебе сориентироваться на шаг вперёд, но полагаться всё равно придётся на собственные кулаки и рефлексy.

Она замолчала, давая ему время уложить информацию в голову, а затем её улыбка снова стала дразнящей и лукавой. Шёлк халата скользнул по её бедру, когда она плавно поднялась с подлокотника и сделала шаг к нему, сокращая дистанцию до интимного минимума.

— Но есть ещё кое-что, Белый, о чём тебе нужно знать, — её голос опустился до вибрирующего шёпота, обжигая его ухо. — Из-за твоей аномальной «внутренней тишины» удалённые радары Организации тебя не видят, на их датчиках ты — пустое место. Поэтому мне придётся фиксировать твои параметры вручную и постоянно находиться рядом с тобой. В этой самой квартире.

Елена едва заметно качнула головой, заглядывая ему прямо в глаза:

— И чтобы все эти возможности не выжгли твою молодую центральную нервную систему, одной теории мало. Тебе нужен физический якорь. Стабилизатор, который замкнёт на себя эту перегрузку. Для этого у нас используются специальные артефакты — Кольца. Вообще в Организации существует три их уровня, три разных ранга этой палеотехнологии. Но о высших ступенях тебе сейчас знать не обязательно: допуск закрыт, да и твой организм их попросту не выдержит. Поэтому тебе положено Кольцо Первого уровня. Именно оно служит связующим узлом, удерживающим и синхронизирующим модули «Голоса» и «Предвидения».

Елена подалась ещё ближе:

— Это не просто украшение, Саша. Это твой персональный био-щит и бесконечная батарея. Его главная функция — сбалансировать подсознательный хаос и брать на себя все избыточные токи, чтобы твой многолетний опыт и ментальные перегрузки не расплавили молодое тело.

Елена отстранилась и грациозно подошла к полированной югославской стенке. Её пальцы легко поддели скрытую секцию серванта. Из полумрака полки Елена достала строго вытянутый, прямоугольный футляр из тёмного, матового полимера Предков, который словно поглощал падающий на него солнечный свет.

На противоположных торцах футляра темнели два некрупных считывающих окошка биометрических датчиков, а рядом с каждым из них располагался крошечный, пока ещё мёртвый светодиод.

— Брать его в руки и переносить может кто угодно — в закрытом состоянии он абсолютно инертен, — произнесла Елена, повернув вытянутый корпус к Сане. Её тон мгновенно потерял кокетство, стать строго каноническим. — Но вот вскрыть или взломать его без авторизации не получится. Если попытаться срезать крышку силой или разобрать корпус, сработает защитный контур: высокочастотный импульс прожжёт всё в радиусе полуметра, а ЦНС взломщика выгорит за три секунды. Для открытия нужен чистый двухфакторный биометрический замок.

Она приложила подушечку большого пальца к датчику на своём торце футляра. Полимер под её рукой едва слышно запел на ультразвуке, и расположенный рядом светодиод вспыхнул ровным, изумрудно-зелёным светом.

— Первый контур снят, — Лена повернула футляр к Сане противоположной стороной. — Теперь твой черёд. Приложи палец. Система должна зафиксировать твоё физическое согласие на биорезонанс.

Саня уверенно надавил подушечкой пальца на холодное окошко второго датчика. В глубине контейнера что-то мягко щёлкнуло, сверяя биотоки, и второй светодиод откликнулся таким же чистым зелёным свечением. Двойная авторизация замкнулась. Прямоугольный пенал отозвался тихим пневматическим шипением, и его верхняя крышка бесшумно отъехала в сторону.

На подушке из глухого, бархатистого чёрного материала покоился сам артефакт.

Это был строгий, идеальной формы и довольно массивный ободок из тёмного, не бликующего сплава Предков — не похожего ни на золото, ни на платину, ни на привычный титан. Металл казался одновременно твёрдым как алмаз и тёплым на вид, а по всей его внешней и внутренней поверхности едва заметно, в такт замершему пульсу, мерцали тончайшие, словно капилляры, фрактальные узоры. В них пробивался глухой, тёмно-серебристый отсвет, придающий тёмному Кольцу гипнотическую, пугающую красоту палеотехнологии. Изделие выглядело

не как ювелирное украшение, а как спрессованный, холодный фрагмент чужеродного функционала.

— Бери, — тихо сказала Елена, но в её глазах промелькнула острая, въедливая настороженность оперативника. — И будь готов. Твоё тело не касалось Колец полвека. По инструкциям Хранителей, надевание артефакта после столь долгого перерыва неизбежно вызывает тяжелейшую био-адаптацию. ЦНС сопротивляется чужеродному контуру. Тебя ждёт дикий спазм в сосудах, скручивающая боль в суставах пальца и ледяная судорога, которая может свалить с ног. Это нормальная притирка матрицы. Терпи.

Саня молча вытащил тяжеловатый тёмный ободок из футляра и без малейших колебаний насадил его на указательный палец правой руки.

Елена невольно затаила дыхание, ожидая увидеть привычную картину: как парень согнётся пополам, как побелеют его костяшки и как из носа от пикового скачка давления брызнет кровь.

Но никакого ада не произошло.

Стоило сплаву Предков обнять кожу, как Кольцо мгновенно, без единого микрона сопротивления вошло в идеальный, абсолютно бесшовный биорезонанс с его нервной системой. Ни судорог, ни боли, ни разрывающего давления в висках. Тончайшие фрактальные нити на поверхности тёмного металла на секунду вспыхнули ровным серебром и тут же погасли, сливаясь с цветом сплава. Саня лишь почувствовал, как по его венам разлилась плотная, ледяная волна колоссальной силы, мгновенно смахнувшая остатки усталости, а в голове воцарилась звенящая, кристаллическая ясность разума. Внутренний монолит его личности принял артефакт так легко, словно Саня никогда его и не снимал.

Саня спокойно опустил руку, едва заметно крутанув тёмное Кольцо на пальце, и посмотрел на куратора чистым, трезвым и абсолютно невозмутимым взглядом.

В глубине светлых глаз Елены упала ещё одна тяжёлая, ледяная капля сомнения. Её трёхсотлетний опыт оперативника дал сбой. Она смотрела на этого двадцатидесятилетнего парня, который только что прошёл смертельно опасный адаптационный барьер и даже не поморщился, и понимала: инструкции Синклита о «слабости человеческих объектов» на этом русском не работали вовсе.

Елена сделала глубокий вдох, сдерживая изумление, и её взгляд снова стал строгим и собранным.

— Раз Кольцо вошло в силовой контур, пора заканчивать стартовый инструктаж, — ровно произнесла она. — Сейчас я активирую Систему. В твою подкорку хлынут заархивированные знания языков, карт Европы и боевых рефлексов. Не сопротивляйся.

Она заглянула ему прямо в зрачки. Елена сделала глубокий вдох, её грудь под изумрудным шёлком высоко поднялась, и она произнесла странное, гортанное слово на чужом, вибрирующем языке. Звук словно прошёл сквозь стены, отозвавшись низким гулом прямо в голове Сани. Базовые программные заглушки в его мозгу сорвались, открывая шлюзы восприятия.

А затем она мягко выдохнула ему в самые губы на русском:

— Спи...

В ту же секунду мир вокруг Сани покачнулся. Накатила невероятная, свинцовая, сокрушительная тяжесть. Ноги мгновенно обмякли, превратившись в вату, а мозг словно затопило густыми чёрными чернилами. Он повалился назад, на колючий шерстяной плед дивана.

Но паника не успела родиться. Саня закрывал глаза, уже проваливаясь в тёмную бездну, но его сверхплотный разум встретил этот процесс совершенно иначе. Вместо болезненной ломки и разрушительного кризиса, его нервная система начала впитывать терабайты данных с пугающей, неестественной лёгкостью. Адаптация, которая по расчётам Лены должна была надолго выбить его из колеи, внутри Сани разворачивалась гладко и стремительно, словно его мозг изначально был создан для перегрузок такого уровня.

Сознание Сани окончательно ухнуло во тьму сна, оставляя Лену один на один с её нарастающим, пока ещё смутным предчувствием того, что её подопечный — далеко не простой отпускник.

Глава 2

Глава 2. Осколки двух жизней

Сознание вернулось мгновенно и абсолютно чисто, без провала в вязкую муть или болезненную дезориентацию. Словно в тёмной, глухой комнате беззвучно и резко щёлкнули тугим выключателем. Саня разлепил веки и сел на диване.

В голове царил звенящая, непривычно просторная и сухая тишина. Это было странное, почти физическое ощущение: под его черепной коробкой теперь жестко стыковались две совершенно разные тектонические плиты. С одной стороны — он всё тот же двадцатидвухлетний Саня Белый, уличный пацан с Кварталов, выросший на пыльном донбасском ветру. Но поверх этого юношеского каркаса, словно тяжёлые стальные швеллеры, легли свинцовые пласты многолетнего, смертоносного опыта.

Он чувствовал эту внутреннюю плотность на уровне чистой биохимии: скрытые в глубине подсознания подробные топографические карты европейских столиц, лабиринты промышленных коммуникаций, схемы транспортных развязок и сленг десятка иностранных наречий, готовый сорваться с языка при первой же необходимости. Его тело смутно, но с безупречной точностью помнило анатомию эффективного убийства, науку выживания в экстремальных фазах и правильный, наработанный хват оружия. Выверенные годами рефлексy и зрелая армейская дисциплина разума сработали как надежный гидравлический амортизатор. Именно эта ледяная внутренняя основа не позволила молодому организму сорваться в панику от осознания того, что привычная реальность дала глубокую трещину.

Саня бросил короткий, тяжелый взгляд на массивные механические часы, вмонтированные в секцию тёмной югославской «стенки». Полированная поверхность гарнитура слегка пахла остывшим древесным шпоном и сухой бытовой пылью. Стрелки показывали половину четвёртого дня.

Пальцы правой руки машинально скользнули к тёмному, абсолютно гладкому ободку на указательном пальце. Саня чуть прикоснулся к нему — Кольцо Первого уровня сидело безупречно, словно влитое, откликаясь на тепло кожи привычным ледяным спокойствием и пассивно гася любые посторонние нейронные шумы.

С момента его первого пробуждения прошло около пяти часов. Июльский зной за окном достигал своего невыносимого пика. Однако в трехкомнатной «чешке», благодаря аномальной природе квартиры и добротному, качественному ремонту, дышалось легко. Свежая отделка, аккуратные стены и ровный паркет под ногами создавали странное ощущение автономного оазиса, случайно затерянного посреди раскалённого, нищего шахтёрского городка.

Он поднялся с дивана. Вся кинетика движений изменилась: исчезла прежняя угловатая юношеская суэта, появилось бесшумное, пружинящее и экономичное умение рассчитывать каждое усилие до миллиметра. Саня подошёл к окну и мягко, кончиками пальцев, отвёл край кружевной занавески.

За стеклом, плаваясь в дрожащем мареве донбасского солнца, распростёрся Квартал А. На шерба́том, потрескавшемся асфальте дворового проезда густели тени от раскалённых тополей. Прямо напротив высилась серая пятиэтажка-панелька — точная копия той, в которой он находился. Саня взгляделся в облупившуюся синюю краску на козырьке третьего подъезда, и внутри него, пробивая холодную броню оперативной дисциплины, поднялась тяжёлая, щемящая волна воспоминаний.

Там, на третьем этаже, прямо сейчас находился Юра Борода — его лучший, верный кореш. Саня словно наяву услышал его характерное шмыганье носом, увидел сдвинутую на затылок кепку и широкие плечи уличного пацана, вкалывающего на шахте «Прогресс». Простой, надёжный как засов, Борода никогда не лез за словом в карман и был готов пойти за

Саню в любой замес, под любые бандитские арматуры. Они ведь знали друг друга с самого детства. Сколько километража было намотано по этим раскалённым, разбитым улочкам, сколько выпито тёплого, отдающего горчинкой пива на лавках у перекошенных бельевых площадок под непрерывный, оглушительный стрёкот цикад в такие же душные июльские ночи...

А где-то дальше, на Пелагеевке, на улице Мира, сейчас хлопотала по хозяйству мать, Валентина. Занимая должность начальника почтового отделения, она крутилась в бесконечной суете девяносто шестого года с его задержками выплат и тотальным бартером, абсолютно не подозревая, что её сын прямо сейчас смотрит на двор глазами человека, который прошёл сквозь ад и вернулся назад.

Отца уже два года как не было в живых. Белый-старший ушёл рано, но оставленное им имя до сих пор весило в криминальном и рабочем Торезе больше, чем отгрузочный состав угля. В памяти всплыл его облик: неторопливые движения, потёртая кожаная куртка, пропитанная запахом «Примы» и бензина, и тяжёлый, свинцовый взгляд зека-рецидивиста, от которого пасовала местная уличная басота. Отцовский авторитет был настоящим — старой, суровой закалки. И сейчас, вспоминая его, Саня чувствовал не прагматичный расчёт на его связи, а глухую, сыновью тоску по человеку, чей прямой характер так нужен был ему в этом рушащемся мире.

И сразу за образом отца в памяти вырос другой силуэт — Старший Александр из видеозаписи. Взрослый, монументальный хищник в безупречном дорогом костюме, со шрамом на брови и звенящим металлом тоном человека, привыкшего двигать фигуры на глобальной доске.

Саня нахмурился, чувствуя, как на лбу режется глубокая складка. Внутри него бился тяжелейший, неразрешимый парадокс. В своих собственных воспоминаниях о прожитой жизни он никогда не был элитным ликвидатором или теневым оперативником глобальных структур. Он был обычным работягой, затем коммерсантом средней руки, который крутился как мог в жестоких реалиях эпохи, растил детей и жил понятной, приземлённой жизнью обывателя. Он был мирным человеком.

Так откуда же взялась эта свинцовая, смертоносная сила на плёнке? Каким образом обычный мужик превратился в того ледяного стратега, который заблокировал ему память и отправил назад в 1996 год? Что произошло за чертой прошлых лет, о чём он теперь не имел права помнить?

Вопросы роились в голове, но память упиралась в глухую, невидимую, но абсолютно монолитную стену, обойти которую не давал системный запрет.

Мягкий, едва уловимый шорох шёлка заставил Саню мгновенно выйти из размышлений. Его новое тело отреагировало без малейшего вздрагивания — плавно, экономично, с безупречной выверкой каждого микро-движения. Он не торопясь развернулся спиной к окну, удерживая руки в зоне видимости, но в состоянии полной готовности к любому развитию событий.

В проёме двери гостиной стояла Елена. На ней был всё тот же изумрудный шелковый халат, сочный цвет которого контрастировал со строгими тонами комнаты. При каждом её легком, кошачьем шаге ткань мягко струилась, приоткрывая ровный золотистый загар длинных ног. Длинные платиновые волосы рассыпались по плечам тяжёлой волной, а на губах застыла лёгкая, слегка ироничная улыбка, сквозь которую проглядывал холодный оперативный расчёт. Её присутствие мгновенно заполнило пространство комнаты густым, интимным ароматом мускуса и дорогого парфюма — нездешнего, чужеродного для нищего Тореза девяносто шестого года.

Молодой организм Сани отозвался мгновенно: внизу живота привычно прожгло горячей волной, юношеская кровь качнула пульс, требуя поддаться дразнящему раздражителю. Но в ту же секунду сработал внутренний тумблер. Свежеприобретённая внутренняя плотность и ледяной контроль метаболизма срезали гормональный всплеск на взлёте. Саня просто принял

реакцию своего тела как сухой биохимический факт, мгновенно взяв его под контроль воли. Он смотрел на Елену не с восторженным вождением пацана, а с тяжелой, свинцовой внимательностью человека, привыкшего читать чужие манипуляции насквозь.

Елена остановилась в двух шагах от него, чуть склонив голову набок. Тонкие пальцы с безупречным маникюром медленно поправили воротник халата. Движение выглядело соблазнительным, но Саня подметил едва заметную микро-паузу в её кинетике — она фиксировала его реакцию. И то, что она увидела в его глазах, явно не входило в её расчёты.

За три столетия полевого и кураторского опыта, наполненного жесточайшей муштрой, ментальными симуляциями в карантинных секторах и сотнями вылазок, Елена досконально изучила инструкции Организации. В мрачных руководствах Высшего Синклита, составленных ещё в эпоху ранних экспериментов с артефактами Предков, чёрным по белому указывалось: интеграция колоссального массива многолетней оперативной памяти в молодую, неготовую биологическую матрицу неизбежно вызывает тяжелейший хроно-шок. Инструкция гарантировала судороги, расстройство ЦНС, некупируемую лихорадку и длительный провал в дезориентацию. Субъект обязан был проснуться слабым, беспомощным, с разрывающейся от боли головой, полностью зависимым от своего куратора.

Но Белый стоял перед ней ровно через пять часов после пробуждения. Его дыхание было ровным и глубоким, зрачки — идеально сфокусированными, а в осанке читалась такая свинцовая, спокойная сила, словно он просто прилёг отдохнуть перед обычной рабочей сменой. Ни капель пота на висках, ни мелкого тремора в пальцах.

В глубине её глаз, обычно искрившихся насмешливым превосходством, впервые замаячила тяжелая, холодная капля сомнения. Кураторский шаблон треснул. Этот оперативник либо изначально обладал аномальной структурой психики, либо в логах его авторизации кролась глубокая фальсификация.

— Ты на удивление быстро собрался, — произнесла она. Её бархатный грудной голос прозвучал ровно, но в интонациях проскользнула профессиональная собранность. — Инструкция отводила тебе минимум трое суток на то, чтобы просто начать отвлекаться от галлюцинаций и перестать плевать кровью из-за перегрузки сосудов. Я ждала жалоб на раскалывающийся череп.

Саня едва заметно усмехнулся. Усмешка получилась скупой, жёсткой, без тени веселья.

— Череп в порядке, — ровно ответил он, медленно обводя взглядом пространство комнаты: от ровного паркета до свежих обоев. — Внутренняя тишина работает отлично. А вот к обстановке у меня есть вполне конкретные вопросы. Начнём с топографии. Где именно мы находимся?

Елена чуть расслабила плечи, возвращая на лицо привычную, дразнящую маску, хотя её взгляд оставался цепким и напряжённым. Она медленно прошла к югославскому серванту, провела подушечкой пальца по лакированной дверце.

— Я же тебе уже говорила, когда ты открыл глаза. Торез. Квартал А, — мягко качнула она головой.

— Лена, не надо держать меня за дурака, — в голосе Сани пробили сухой, звенящий металл, от которого девушка инстинктивно подтянулась. — Я родился и вырос в этом городе. Я знаю Квартал А до последнего люка и шва между панелями. Здесь строили только типовые серые пятиэтажки-хрущёвки. Убогие узкие коридоры, проходные комнаты, крошечные кухни, где вдвоём не развернуться. В этих домах отродясь не существовало трёхкомнатных «чешек» улучшенной планировки с изолированными спальнями и огромной лоджией. А мы стоим именно в «чешке». Как у тебя состыковалась эта геометрия?

Елена тишайше рассмеялась. Смех прозвучал искренне, с невольным оттенком уважения к его оперативному глазомеру.

— А ты цепкий, Белый. Наблюдательности тебе не занимать, — она обернулась, опираясь бёдрами о край серванта. — Ты абсолютно прав. Ни в одном архиве местного БТИ, ни в одном строительном плане Тореза этой квартиры нет и никогда не было. По документам административного учёта в этом подъезде на третьем этаже находятся обычные стандартные хрущёвки. И если ты решишь выйти на улицу и замерить фасад дома рулеткой, у тебя ничего не сойдётся. Внутренний объём этой квартиры физически шире, чем внешние стены панели.

— Отличный расклад, — Саня прищурился, делая полшага вперёд. — А теперь представь быт. Ко мне сюда завтра зайдёт Юра Борода. Или мать заглянет с Пелагеевки. Они живут в этом городе десятилетиями. Они не слепые. Каким образом ты собираешься объяснять пацанам и родственникам, что коробка дома снаружи и эта трёхкомнатная хоромина изнутри противоречат друг другу?

Елена снисходительно улыбнулась, качнув головой, отчего её светлые волосы соскользнули с плеча.

— Система Организации работает куда тоньше и изящнее, чем убогие порталные машины из фантастических романов, Саня. Никто из твоих близких ничего не заподозрит. Для любого внешнего посетителя — будь то твой кореш Борода, мать или случайный сантехник — локальная метрика пространства будет идеально сглажена на уровне их собственного восприятия.

Она сделала паузу, давая ему вдуматься, и продолжила:

— Их мозг просто отрисует привычную, комфортную картину. Они увидят просторную, очень удачно перепланированную хату. Ну, может, Борода почешет затылок и скажет, что твой отец в своё время умудрился снести лишнюю перегородку или урвал редкий кооперативный проект. Человеческий разум ленив и труслив по своей природе, Белый. Когда обыватель сталкивается с нестыковкой в реальности, его подсознание панически избегает безумия и моментально подгоняет увиденное под понятный бытовой шаблон. Никто из них никогда не станет бегать с линейкой вдоль стен. Для твоей семьи и пацанов это будет просто отличная, добротная квартира, в которой обосновался Саня Белый. И ни единого лишнего вопроса в их головах даже не сформируется.

Саня молча принял информацию. Свежеприобретённый опыт и логика оперативника обработали вводные мгновенно: локальный прокол метрики, ментальный фильтр для сторонних наблюдателей, автономия. Удобно. Безопасно. Функционально.

— Выходит, это не просто хата, — резюмировал он, не сменяя ледяного тона.

— Считай это сувениром из будущего, — Елена чуть качнулась на каблуках. — Твоим личным форпостом, физическим маркером присутствия Системы, вшитым прямо в пространственную ткань этого серого сектора. Местом, где жесткие законы нищего девяносто шестого года теряют свою полную силу. Это зона твоей абсолютной безопасности.

— Хорошо, — кивнул Саня, закладывая пальцы в карманы спортивных штанов. — С геометрией аномалии разобрались. Теперь давай к главному. Кто ты такая на самом деле, Лена? И что это за Организация, которая без труда раздвигает бетонные стены в донбасских хрущёвках и играет с человеческими жизнями сквозь десятилетия?

Елена мгновенно подтянулась, её глаза сузились, а в позе проступила привычная, жёсткая, вьёвшаяся дисциплина Смотрителя.

— Слишком много вопросов для первого дня, Белый, — отрезала она. — Моя роль чётко прописана: я твой куратор, твой проводник и твоё связующее звено с Системой. Что касается структуры Организации... Её история безвременна. Мы не ломаем мир обухом, мы лишь аккуратно корректируем его траекторию в ключевых узлах. Но глубокий допуск тебе сейчас закрыт. И заблокировал его ты сам, когда перед прыжком стёр из собственного мозга этот сегмент оперативных данных. Так что не пытайся выпытать у меня то, что твоё собственное «Я» посчитало опасным для твоей текущей миссии.

Саня не стал спорить или вступать в бессмысленные полемические дуэли. Зрелая прагматика и закалённый в сотнях передраг разум оперативника подсказывали: давить на Смотрителя прямо сейчас — пустая трата ресурсов. Девушка защищена отработанным инструктажем и жестким регламентом Организации, а его собственный организм только-только закончил первичную настройку нейронных связей. Ему требовалось время. Нужно было выйти на раскалённый асфальт, почувствовать ногами родную землю, вдохнуть этот знакомый с детства пыльный воздух с примесью угольной гари и освоиться в реальности девяносто шестого года.

— Допустим, — спокойно согласился он, закладывая пальцы в карманы спортивных штанов. Вся его фигура излучала монолитную, естественную уверенность. — Тогда практический вопрос. Что мне делать дальше? Какая у меня задача на сегодня? Кого валить, кого отжимать, куда бежать?

Елена весело прищурилась. В её тёмных миндалевидных глазах блеснули насмешливые искорки, а точёные плечи едва заметно вздрагивали от беззвучного смеха.

— О боже, Белый, как примитивно, — с лёгкой иронией протянула она, качнув головой. — Никого не надо валить. И бежать никуда не нужно. Тебе же вполне доходчиво объяснили на видеозаписи: у тебя отпуск. Вынужденная, санкционированная сверху оперативная пауза. Делай абсолютно всё, что пожелаешь. Иди погуляй по своим раскалённым, пыльным улицам, найди пацанов, выпей с ними тёплого пива на лавке, проведай маму. Просто живи. Наслаждайся юностью. Твоему телу нужно время, чтобы новые рефлексy, боевая биомеханика и базы данных окончательно легли в мышечную память. Адаптируйся к обстановке. Никаких масштабных спецопераций на ближайшие дни у нас не запланировано.

Она сделала короткую паузу. В гостиной снова установилась плотная, густая тишина. За окном слегка спала дневная жара, но воздух в комнате оставался тёплым.

Елена медленно оттолкнулась от полированной поверхности серванта и сделала два плавных, абсолютно бесшумных шага по направлению к нему.

Шёлк её изумрудного халата тихо зашуршал, натягиваясь на бёдрах при каждом движении. Расстояние между ними сократилось до символического полуметра. Саня снова ощутил этот сводящий с ума, пьянящий аромат её кожи — густой мускус, перемешанный с нотами дорогого французского парфюма.

Она слегка запрокинула голову, заглядывая ему прямо в глаза. Её голос опустился до едва слышного, интимного, вибрирующего шёпота:

— Но раз уж мы заговорили о планах... Нам ведь предстоит жить здесь вместе. В этой квартире. Рука об руку, день за днём. Какую роль ты хочешь отвести для меня, Саня? Строгий, неумолимый надзиратель? Заботливая спутница, делящая с тобой быт и прикрывающая тыл? Или... горячая любовница, которая заставит тебя забыть обо всём на свете?

Она подалась ещё чуть-чуть вперёд. Тонкий струящийся шёлк слегка распахнулся, открывая упругую ложбинку груди и гладкую плечевую линию. Её полные, чуть влажные губы находились так близко, что Саня чувствовал ровное, тёплое дыхание на своей коже.

Молодой, двадцатидвухлетний организм среагировал мгновенно. Юношеская гормональная буря ударила в голову тяжёлой, пьянящей волной: пульс участился, кровь толчками пошла по жилам, а инстинкты требовали немедленно сорвать этот изумрудный халат, прижать это великолепное тело к себе и утащить на диван.

Но в ту же секунду сработал внутренний тумблер.

Ледяной, выверенный контроль метаболизма и свинцовая прагматика зрелого разума мгновенно перехватили управление нервной системой. Внутренняя тишина срезала гормональный пик, превратив его в сухой фактаж.

Саня даже не моргнул. Он не отвёл взгляда, не сделал движения назад и не поддался на провокацию. Он смотрел на Елену в упор — абсолютно трезвым, тяжёлым и проникающим взглядом человека, который насквозь видит любую, даже самую тонкую манипуляцию. В его

глазах не промелькнуло ни единой искры того слепого вожделения, на которое она рассчитывала.

— Покамест этот вопрос побудет под вопросом, Лена, — ровно, скупая на эмоции и свинцово-спокойная фраза прозвучала в тишине комнаты, словно щелчок затвора. — Мне нужно осмотреться. Всё остальное — потом.

Елена застыла.

Дразнящая, соблазнительная улыбка мгновенно сошла с её лица, уступив место абсолютному, неприкрытому изумлению. На миг в её глазах проскочила растерянность. Она даже сделала быстрый полшага назад, словно проверяя, не ослышалась ли.

Её безупречно выстроенный, отточенный за триста лет практики шаблон управления мужчинами только что сокрушительно разбился о монолитное самообладание этого парня. Молодой, полный сил пацан, находящийся в самом пике юношеского гиперсексуализма, только что хладнокровно и вежливо отодвинул её тончайшую провокацию в сторону. Отодвинул без паники, без суеты и без единого вздрагивания мускула на лице.

В глубине души Смотрителя тяжело и холодно опустилась ещё одна капля сомнения.

Её многовековой опыт, инструкции Синклита и методики карантинных секторов пасовали перед этой реальностью. Ей впервые стало по-настоящему не по себе. Полевой оперативник Организации окончательно осознала: стоящий перед ней Белый — не просто адаптировавшийся субъект. В нём запечатана сила, чья логика и глубина выходят далеко за рамки любых стандартных учебных сценариев. И удерживать контроль над этим человеком будет невероятно сложно.